

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ц98

陈楸帆
荒潮

Copyright © 2013 by Stanley Chan
This edition is published by arrangement with The Grayhawk
Agency Ltd and The Van Lear Agency

Оформление серии *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете и форзацах
Павла Трофимова

Цюфань, Чэнь.

Ц98 Мусорный прибой / Чэнь Цюфань ; [перевод с
английского М. Новыша]. — Москва : Эксмо, 2020. —
448 с.

ISBN 978-5-04-104890-7

Мими тонет в мусоре. Она работает на Кремниевом острове, где электроника — от сотовых телефонов и ноутбуков до роботов и бионических конечностей — отправляется на переработку. Отходы скапливаются и загрязняют каждый свободный дюйм земли. На этом острове у берегов Китая плоды капитализма и культуры потребления находят свой конец. Тысячи рабочих-мигрантов, таких как Мими, заманиваются на Кремниевый остров обещаниями стабильной работы и лучшей жизни. Назревает конфликт между безжалостными местными бандами, борющимися за власть. Экотеррористы «раскачивают лодку». Американские инвесторы жаждут прибыли. Когда эти силы сталкиваются, вспыхивает война — между богатыми и бедными, между традициями и современными амбициями; между прошлым человечества и его будущим. Мими и ей подобные должны решить, останутся ли они пешками в этой войне или вообще изменят правила игры.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-104890-7

© Новыш М., перевод на русский язык,
2020
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Примечание

относительно языка (языков) книги и имен персонажей

В КНИГЕ «МУСОРНЫЙ ПРИБОЙ» ИСПОЛЬЗУЮТСЯ РАЗЛИЧНЫЕ языки и диалекты (хотя более правильно будет называть их тополектами) китайской языковой семьи. Коренные жители Кремниевого Острова говорят на диалекте Шаньтоу (также известном под названием «Суатоу»), который, в свою очередь, является разновидностью Чаошаньского диалекта, относящегося к Нань Минь — южно-миньскому диалекту китайской языковой семьи, в который также входят Сямыньский, Тайваньский и Хок-Киень.

«Мусорные люди», мигранты из менее развитых экономически провинций Китая, принесли с собой собственные диалекты, по большей части относящиеся к Мандарину, или Пекинскому диалекту, однако между собой, а также с коренными жителями острова они разговаривают на Современном Стандартном Мандарине, общем языке современного Китая.

В дополнение к этому, поскольку Кремниевый Остров находится в провинции Гуандун, неподалеку от Гонконга и Гуанчжоу, многие обитатели острова понимают и до определенной степени могут разговаривать на Кантонском (особенно на его гонконгском

Чэнь Цюфань. Мусорный прибор

диалекте) и знакомы с Кантонской (в том числе и гонконгской) культурой.

Люди с определенным уровнем образования могут также приукрашивать свою речь культурными аллюзиями и словами из классического китайского литературного языка.

Подобное лингвистическое разнообразие, являющееся для многих китайцев частью повседневной жизни, ставит непростую задачу перед тем, кто берется за перевод подобной книги для англоязычного читателя. К сожалению, западные СМИ обычно уделяют внимание только Современному Стандартному Мандарину и Кантонскому, двум наиболее известным членам обширной семьи китайских языков, и в силу этого достаточно сложно оценить все многообразие опыта нахождения в куда более многоцветной языковой среде. В китайском аккуратно обходят проблему столь значительных различий между вариантами китайского языка, называя каждый из них *фанъянь*, буквально — «местный говор». Я использую для обозначения этого понятия научный термин «тополект», воздерживаясь от употребления неточного понятия «диалект».

Я максимально ограничил использование в данном переводе китайских слов и фраз в целях удобочитаемости. Чтобы передать колорит использования различных вариантов языка в речи, в некоторых местах я привожу фонетическую транскрипцию слов Чаошаньского тополекта, а в сносках даю полную транскрипцию с тоновыми знаками. В тексте есть лишь одно исключение из этого правила, когда тоновые знаки специально приведены, чтобы показать разницу между Чаошаньским и Мандарином. Слова, попавшие в английский язык через Кантонский, такие как *дим-сум* или *хакао*, или через Мандарин, такие как *фэньшуй*, или даже японские,

такие как *нори*, приведены в привычной для англоговорящего читателя форме. Безтоновая транслитерация *тинин* на основе Современного Стандартного Мандарина используется также для литературного китайского и в современных неологизмах, таких как *шаньчжай*, которые, возможно, уже находятся на стадии проникновения в английский лексикон.

Китайские имена в целом приводятся в написании через безтоновый *тинин*, так, как они читаются в Мандарине, сначала пишется фамилия, а потом имя, по установившемуся китайскому обычаю. Исключение делается для имен персонажей родом из Гонконга, которые приведены в фонетической безтоновой транскрипции Кантонского, сначала имя, а затем фамилия, соответственно западной традиции, укоренившейся в Гонконге.

Кен Лю

Мусорный
прибой

Пролог

ТУЧИ МЧАЛИСЬ НА ЮГО-ЗАПАД, БУДТО ВЗБУДОРАЖЕННЫЕ кони. Тайфун Саола, в трехстах километрах от берега, приближался к Гонконгу.

Двигался легкой поступью и хаотично, меняя направления, оправдывая свое имя.

Образ грациозного животного, ныне оставшегося лишь в виде пикселей в базах данных и чучел в музеях, на мгновение промелькнул перед мысленным взором Суг-Йи Чю-Хо.

Название «саола» (научно называемого *Pseudoryx nghetinhensis*) происходило от слова из языка Дай, вьетнамского. Ученым пришлось целых восемнадцать лет ждать, со времени обнаружения необычных черепов до первых сообщений от крестьян, увидевших животное живьем; а спустя пять лет вид был признан вымершим.

Щеки саола покрывали белые полосы. За длинные прямые рога, слегка загибающиеся назад, животное прозвали «азиатским единорогом». Оно обладало самыми крупными среди ныне живущих млекопитающих пахучими железами — сыгравшими не последнюю роль в его вымирании. Во вьетнамском и лаосском фольклоре оно было символом удачи, счастья и долголетия.

А теперь все это выглядело как скверная шутка.

Чэнь Цюфань. Мусорный прибор

Чертовски холодно! Суг-Йи ухватила руку за борт крохотного скоростного катера, а другой рукой получше запахнула куртку. Гонконгская Обсерватория дала предупреждение о тропическом циклоне уровня восемь, со скоростью ветра от 63 до 117 километров в час, с порывами свыше 180.

Да уж, хороший день я выбрала.

«Цветок мать-и-мачехи» летел, перепрыгивая с одного пенного гребня волны на другой, нагоняя грузовое судно «Долгое Процветание», контейнеровоз на 8000 двадцатифутовых контейнеров. Грузовое судно вышло из порта Нью-Йорка, зашло в Нью-Джерси, а затем пересекло Тихий океан. Оно шло к причалам Квай Цина, откуда его груз развезут по небольшим портам Китая.

Рулевой махнул рукой Суг-Йи, и она кивнула в ответ. От сильного ветра ее лицо стало совсем бледным. По внутренней стороне защитных очков бежали цифры. Цель снизила скорость до десяти узлов в соответствии с портовыми правилами, дабы снизить загрязнение воды и воздействие кильватерной струи на небольшие суда.

И дать нам хорошую возможность. Суг-Йи помахала руками членам команды, давая знак, чтобы все сохраняли готовность.

«Цветок мать-и-мачехи» набирал скорость, сближаясь с «Долгим Процветанием», и наконец оказался борт к борту с большим судном. Сбросил скорость, выровнивая ее со скоростью цели. На фоне огромного контейнеровоза длиной 334,8 и шириной 45,8 метра, построенного «Самсунг Хэви Индастриз», скоростной катер выглядел как прилипала у тела китовой акулы.

— Быстрее!

Голос Суг-Йи практически потонул в реве мотора.

Вверх взлетела, будто паутина по ветру, магнитная веревочная лестница. И тут же крепко прилипла к правому борту «Долгого Процветания», не долетев два метра до рейлинга. Низ лестницы был закреплен на скоростном катере, для устойчивости. Член штурмовой команды в полном снаряжении ловко полез вверх по лестнице. Лез лицом к борту, чтобы лучше цепляться за ступени лестницы закрепленными на ботинках крючьями и чтобы голова не кружилась от взгляда на волны, бьющие в борт судна.

Несмотря на его отличную подготовку, его швыряло туда-сюда, как насекомое, попавшее в паутину, от напора ветра и бьющих по катеру волн. Двадцать пять метров, совсем немного, казалось бы, но и очень много в таких условиях.

Быстрее, быстрее! С каждой секундой дурное предчувствие внутри Суг-Йи становилось все сильнее. «Цветок мать-и-мачехи» перехватил «Долгое Процветание» быстро и изящно, и экипаж грузового судна еще не пришел в себя, чтобы начать что-то делать. Но время уходило. Как только они выйдут на мелководье, окажутся в бухте, волны станут еще выше, и маневрировать станет еще опаснее.

— Ты все снимаешь? — спросила она молодую женщину, стоящую рядом с ней. Та нерешительно кивнула. Миниатюрная камера, закрепленная у ее уха, качнулась вместе с ее головой. Это ее первая операция. Суг-Йи знаком показала, что нужно стабилизировать камеру.

Шоу должно продолжаться.

Она усмехнулась. И когда только все переменялось? Когда она перестала презирать эту философию и стала ее верным приверженцем? Все это похоже на «ненасильственные прямые действия», которые делают в «Гринпис» — ложатся на рельсы, чтобы остано-

вить поезда, забираются на заметные места, нападают на китобойные суда, перехватывают составы с ядерными отходами... раз за разом, каждый раз все более дерзко, неустанно испытывая терпение правительств и мегакорпораций. Подобные действия уже принесли ее организации дурную славу, но они же и привлекли внимание общества к проблемам защиты окружающей среды и, возможно, способствовали принятию новых законов в этой области.

Достаточное оправдание, не правда ли?

Она вспомнила речь своего наставника, основателя Движения «Цветок мать-и-мачехи», профессора Го Цидэ, во время последней церемонии принятия в организацию новых членов.

Приглушили свет, и на огромном экране появилось изображение картины: трехмачтовый парусный корабль среди огромных волн, готовый перевернуться. Некоторые члены экипажа уже прыгают в шлюпки, оставляя других бороться за выживание на корабле. Контраст черной воды и белой пены на гребнях волн, броский.

— Эта картина называется «Крушение у Кента», ее написал в 1827 году Жан Антуан Теодор Гюден.

Голос профессора Го гипнотизировал и завораживал слушателей.

— Мир, в котором мы живем, — суть этот корабль. Он вот-вот погибнет. Некоторые уже спрыгнули в шлюпки, некоторые еще не осознали происходящего.

— Наше дело, здесь, в «Цветке мать-и-мачехи» — бить в барабаны и гонги, устраивать клоунады, глотать огонь, использовать любые уловки, чтобы привлечь всеобщее внимание. Мы должны сделать так, чтобы люди знали, что корабль вот-вот утонет, а те, кто ответственен за это, думают, что им это сойдет с рук. Если мы не привяжем

их судьбы к нашим, именно нам придется расплачиваться за их ошибки.

Мысли Суг-Йи прервал резкий крик. Она глянула вверх и увидела, что у фальшборта «Долгого Процветания» стоят несколько членов экипажа. Они пытались отцепить веревочную лестницу там, где она примагнитилась к борту, но, поскольку корабль строили из расчета максимальной площади палубы, для размещения контейнеров, борт уходил вниз под острым углом. Чтобы достать до лестницы, им пришлось бы перегнуться через фальшборт, болтая ногами в воздухе и рискуя свалиться. А еще им мешал сильный ветер, поэтому после пары безуспешных попыток они бросили это занятие.

Человек, висящий на лестнице, подымался все быстрее. Ему осталось меньше десяти метров.

С палубы «Долгого Процветания» ударила белая струя воды, прямо в него. Веревочная лестница болталась, как маятник. Руки лезущего соскользнули со ступенек лестницы, и он начал падать спиной вперед, к бушующим внизу волнам.

Суг-Йи прикрыла рот рукой, но не могла отвести взгляд. Девушка с камерой завопила.

Но парень не упал. Он повис в воздухе вниз головой: крюки на его ботинках спасли его в последний момент. Согнувшись в пояснице, он снова ухватился за ступеньки лестницы и продолжил подъем.

— Отлично! — крикнула ему Суг-Йи.

Члены команды «Долгого Процветания» продолжали поливать его из шланга высокого давления, будто пламя, распространяющееся вверх по веревочной лестнице. Куда большую, чем напор воды, опасность представляло то, что вода заливала ему рот и нос, мешая дышать. Но, к счастью, он был готов и к этому. Он опустил на